
Вера Сопрано
ДРАКОН
нашёл истинную.
Я нашла адвоката

Вера Сопрано

Дракон нашёл истинную. Я нашла адвоката

https://litres.ru/75027178
SelfPub; 2026

Аннотация

«Я нашёл истинную, Мирелла. Съедешь до праздника урожая, вещи можешь взять». Так муж сказал за завтраком, намазывая масло. Шесть лет брака, шесть лет моих печатей на его бумагах.

Я гербовщица, и в тот же день пошла к самому дорогому адвокату столицы. Корвин Грасс берёт дело за долю, грубит и явно не любит моего мужа.

Мировая, которую принёс адвокат Аурелия, выглядит щедрой. Но в ней строка про мою мастерскую и все заказы. Я вижу, что меня готовят в виноватые. На поддельном казначейском ордере стоит мой крапивник, птичка из каждой моей печати.

Оговорку, которую я когда-то вписывала в каждый чистовик, никто не читал. Кроме меня. Теперь её нужно найти и доказать в Палате брачных тяжб, где судьи ценят порядок больше чувств.

Мне нужна не месть и не спаситель, а собственный почерк, которому можно верить.

Сможет ли женщина, которую сделали удобной виновной, доказать собственным почерком, что подпись под преступлением не её?

Содержание

Глава 1. Вещи можешь взять 5
Глава 2. Мировая на гербовой бумаге 17
Глава 3. Дом меня не узнал 28
Глава 4. Тридцать процентов и ни марки сверху 39
Глава 5. Мой крапивник на чужом ордере 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Вера Сопрано
Дракон нашёл истинную. Я нашла адвоката

Глава 1. Вещи можешь взять

Аурелий намазал масло до самого края, как делал все шесть лет, и только потом поднял на меня глаза.

– Я нашёл истинную, Мирелла. Съедешь до праздника урожая, вещи можешь взять.

Я смотрела на нож. Нож был наш, свадебный, с медной ручкой, и я почему-то подумала, что его он тоже оставит себе. Меня зовут Мирелла Вейн, мне двадцать девять, я гербовщица, и ровно шесть лет и почти четыре месяца я была женой тана Аурелия Сарго, советника казначейства и медного дракона, который сидел напротив меня в столовой родового дома на Вербной набережной и сообщал о моей отставке тем же голосом, каким обычно просил передать соль. За окном ещё держалось тёплое сентябрьское утро, на подоконнике грелась Доротеина герань, а вчера вечером он, между прочим, «задержался в Палате», и я до сих пор помнила, как оставила ему ужин под салфеткой.

– Хм, – сказала я. – Передай, пожалуйста, масло.

Он передал. Вежливо, как всегда, будто речь шла о погоде над Вейрой.

– Ты правильно это воспринимаешь, – он улыбнулся с облегчением, и я заметила, что перчатки он так и не снял, даже за столом. – Я знал, что ты будешь разумна. Вчера в Палате прошла проба чешуёй, и она подтвердила то, что я чувствую с июня. Её зовут Лианна Корт, она дочь эрцтана, и я прошу тебя понять: измены не было, я ждал подтверждения и ни разу не позволил себе лишнего. Я не хочу, чтобы это превратилось в скандал, роду Сарго он ни к чему. Поэтому я предлагаю тебе достойный выход: пять тысяч марок по брачному договору, спокойный отъезд к твоей маме в Сольгаву и никакой огласки.

– О-о, ты очень предусмотрителен, – ответила я и положила на хлеб ровно столько масла, сколько нужно, хотя есть мне уже не хотелось. – А до праздника урожая это у нас сколько, три с половиной недели? Знаешь, я ведь просто думаю вслух. Кто теперь будет платить за починку флигеля? Там над окном течёт с весны, и ты обещал позвать кровельщика ещё в мае.

– Шесть лет, Аурелий! – Я всё-таки повысила голос, и чашка на блюдце звякнула. – Ты за шесть лет ни разу не забыл купить мне чернил, а об этом вспомнил за маслом? Ох, да ты хоть понимаешь, как это звучит? «Вещи можешь взять». Будто я у тебя гостила, а не жила!

– Я понимаю, что тебе больно, – ответил он. – И я не хотел

говорить за завтраком, но вечером меня не будет, а откладывать значило бы лгать. Ну, зачем ты так? Я не выгоняю тебя на улицу, я предлагаю условия.

Он произнёс это с тем мягким терпением, с каким говорят с ребёнком, который в разгар грозы спрашивает, где его башмак. Потом он допил чай, аккуратно промокнул губы салфеткой и поднялся.

– Мы обсудим кровлю, когда ты немного успокоишься. Мне пора на службу, меня ждёт смета по Кожевенному мосту. Будь благоразумна, Мирелла.

Дверь закрылась, послышался стук копыт: Северин Гаст подал экипаж. Я осталась сидеть над недоеденным хлебом и считала про себя трещинки на фарфоровой чашке, потому что считать было проще, чем думать.

***

Флигель во дворе всегда был моим. Одна комната, большой стол у окна, шкаф с бумагой, кушетка, на которой я засыпала, когда заказ не желал заканчиваться вовремя. Всё здесь я покупала сама, до последнего пера, и только стены принадлежали дому. Я села за недописанный заказ для гильдии мясников, взяла кисть и поняла, что рука дрожит, как у Тонка в его семьдесят два года, когда он не пишет.

Линия вышла кривой. Я попробовала ещё раз, и вторая получилась ещё хуже, а на третьей кисть дёрнулась так, что чёрная капля расползлась по рамке печати, и лист можно было смело нести на растопку. Я разорвала его пополам, потом

на четыре части, потом на восемь, и только когда в руках остались одни клочки, поняла, что рву их уже просто так.

Дверь тихо скрипнула. Доротея Хольм, экономка дома с тысяча сто двенадцатого года, вошла со знакомым подносом, на котором стоял чайник и две чашки, хотя пить собиралась только я. Седой пучок, связка ключей на поясе, лицо человека, который всё знает и никому не скажет. Она поставила поднос на край стола, подвинула мусор подальше от чернил и взяла мою руку, ту самую, с чернильным пятном на среднем пальце.

В ладонь легло что-то тяжёлое и тёплое. Ключ от флигеля, второй, запасной, который она хранила на связке тридцать с лишним лет и ни разу не одолжила никому.

– Доротея, вы что… – начала я.

– Ничего, госпожа Мирелла, – сказала она ровно. – Пейте чай, он остынет. Ворота пускают по хозяйской записи, а флигельный замок открывается этим, и это знаем только мы с вами.

Она ушла, не прибавив ни слова, а я долго сидела с ключом в кулаке и чаем, который остывал так же беспощадно, как всё остальное в то утро. Плакать я не стала. Я сделала то, что делала всегда, когда заказчик приносил путаный заказ: достала чистый лист и написала столбиком, что у меня есть. Мастерская, оценённая в двенадцать тысяч. Пять тысяч по договору. Три с лишним недели. Ничего не понимающая голова и муж, который так подробно объяснял мне про разум-

ность, что я заподозрила, будто он учил свою речь заранее. Потом приписала внизу вопрос: «Кто умеет читать такие договоры?» и подчеркнула дважды.

Я знала один способ узнать это. Не самый приятный, но быстрый.

***

Площадь Тридцати канцелярий в среду пополудни напоминала растревоженный улей, в котором каждая пчела несла в лапках жалобу. Я отстояла очередь в канцелярию, где мне сказали, что браки у них не расторгаются, а только регистрируются, и перешла в соседнюю, откуда меня отправили в третью, где худой писарь с чернильными нарукавниками долго листал реестр и наконец признал, что развод есть дело Палаты брачных тяжб и подаёт его, как правило, адвокат.

– А если я хочу адвоката, который не станет мне поддакивать? – спросила я, пытаясь пристроить сумку на подоконник, потому что подоконник был единственным местом без бумаг. – Мне нужен человек, который прочтёт договор внимательнее, чем я его писала.

– Дракон? – уточнил писарь и посмотрел на кольцо у меня на пальце, медное, с руной. – Муж дракон?

– Дракон. Тан Сарго, советник казначейства.

Писарь присвистнул, и в соседней очереди на нас оглянулись.

– Тогда вам нужен самый дорогой, барышня, раз муж дракон. Дешёвые с ним даже в одном зале сидеть боятся. Су-

дейская набережная, дом семь, Корвин Грасс. Только сразу вам скажу: он грубый, возьмёт втридорога и слёзы не любит. Зато проигрывает редко. Говорят, ему вообще проще всех дракона, потому что он сам из них, только без крыльев.

Корвина Грасса я знала только по слухам, как знает всякая жительница Аурума. Бескрылый полукровка, чёрные перчатки, счёты вместо сердца, берёт за дело столько, что за эти деньги можно купить пол-улицы. Я поблагодарила писаря, поправила сумку и пошла пешком, потому что в тот день хотелось идти, а не ехать. По дороге я миновала Рыбный ряд, где торговки уже сворачивали прилавки, и лоток с горячими пирожками, от запаха которого у меня свело желудок. Я купила один, не торгуясь, хотя обычно торговалась из принципа, и ела на ходу, обжигая пальцы и размазывая жир по чернильному пятну. Странное дело: пирожок оказался лучшим из всего, что я ела за последний год, и я вдруг испугалась, что так буду теперь запоминать любую мелочь, как запоминают вещи перед отъездом.

***

В приёмной на Судейской набережной пахло дорогими чернилами и чужими слезами. Окна выходили на реку, мебель была тёмная и очень крепкая, а за столом у двери сидела женщина лет сорока пяти с очками на шнурке и карандашом, воткнутым в волосы, как шпилька.

– Без записи не принимают, – объявила она, не поднимая головы. – Господин Грасс занят до четверга. Если вы по се-

мейному делу, оставьте имя, и я передам, когда будет окно.

– Окно будет у меня через три с половиной недели, – ответила я. – Мирелла Вейн. Я подожду.

Госпожа Штрих, как значилось на табличке, приподняла очки, оглядела меня с ног до головы, фыркнула и вернулась к бумагам. Я села на жёсткий стул под картиной с каким-то судьёй и стала ждать. Через час я пересчитала все плитки на полу. Через полтора выучила наизусть узор на ковре. Мимо два раза прошёл посетитель в хорошем сюртуке, вышел, побледнев, и хлопнул дверью, а один раз вынесли совсем юную женщину с красными глазами, которая шептала «он сказал, что у меня нет шансов». Когда часы на стене пробили два, Пенелопа Штрих без единого слова поставила передо мной стакан воды. Я выпила его залпом, потому что в горле пересохло от духоты и от собственной решимости, и тут же поняла, что не знаю, куда его деть: на столе не было ни подноса, ни салфетки, одни аккуратные стопки дел, перевязанные красной лентой. Госпожа Штрих молча забрала стакан обратно, поставила его в ящик и записала что-то в тетрадь, и я решила, что, наверное, записала мой стакан.

– Благодарю, – сказала я. – Скажите, а он всегда так принимает?

– Он всегда принимает вовремя, – ответила она. – Когда считает нужным.

Ещё через несколько минут она встала и открыла дверь кабинета.

Кабинет оказался тёмный, с камином и огромным столом, заваленным бумагами. На краю лежали костяные счёты, а за столом сидел человек, которого я не узнала бы на улице, потому что он почти не поднимал головы. Высокий, шрам на подбородке, в чёрных перчатках, и перчатки эти держали перо так, будто оно у него в плену. Он дописывал строку и вышел из неё только через полминуты.

– Госпожа Вейн, – сказал он, по-прежнему не поднимая глаз. – Я беру дорого, говорю неприятное и не держу клиентов за руку. Если вам нужен платок, через улицу продают отличные.

– Платок у меня свой, – ответила я. – Мне нужен человек, который умеет читать договоры хуже, чем я их пишу, но злее.

Он поднял голову. Глаза у него оказались серые, а зрачки обычные, круглые, не вертикальные, и я зачем-то отметила это, как отмечала бы особенность бумаги.

– Брошенные жёны обычно плачут у меня за мой счёт, – произнёс он ровно. – Я заранее хочу знать, сколько слёз заложено в ваш бюджет, потому что я не выдаю сдачу носовыми платками.

– Ни одной, – сказала я. – Я пришла считать.

Несколько секунд он разглядывал меня так, словно я была счётом без подписи. Потом откинулся в кресле, и кресло под ним скрипнуло.

– Все так говорят. Ровно до того момента, как на слушании им зачитают прошение. Вам повезло, что сегодня у ме-

ня плохое настроение и я не расположен к чужим слезам. Я отказываюсь, госпожа Вейн. Дело о разводе с драконом по подтверждённой истинной проигрывается ещё до того, как кончается чернильница. Деньги вы потеряете, нервы тоже, а я не люблю на это смотреть. Всего доброго.

– Я знаю, что проигрывается, – ответила я и положила сумку себе на колени, потому что вставать не собиралась. – Поэтому я и пришла к вам, а не к тому, кто скажет «всё будет хорошо». Мой муж не ошибается в расчётах, господин Грасс, он советник казначейства, он много лет считает казённые деньги и ни разу не ошибся. Если он так спокойно сообщает мне о разводе за завтраком, значит, у него всё посчитано заранее. Я хочу понять, в каком месте он ошибся. И я хочу, чтобы это сделали вы.

– Как зовут мужа? – спросил он, и впервые в голосе появилось что-то помимо скуки.

– Тан Аурелий Сарго.

Щёлкнули счёты. Одна костяшка, потом вторая, потом целый ряд, быстро, будто он пробежался пальцем по всему ряду разом. Корвин Грасс смотрел уже не на меня, а куда-то мимо, в окно, на реку, и лицо у него было такое, каким бывает лицо у человека, заметившего на столе старый долг.

– Гхм, – сказал он наконец. – Вы пришли без записи, ждали два часа и ни разу не пожаловались моей секретарше. Это редкое сочетание. Я возьму ваше дело, госпожа Вейн, но на условиях, которые вам не понравятся. Тридцать процентов

от всего, что я отсужу вам сверх пяти тысяч, которые вам и так положены по договору. Ни марки сверху, ни марки снизу. Если ничего не отсужу, не получу ничего, и это самое щедрое предложение, какое вы услышите в этом городе.

– Тридцать процентов, – повторила я и посчитала в уме. – Хм. Это дороже, чем я надеялась, и дешевле, чем я боялась. Скажите, а письменно вы это зафиксируете, или у вас принято на честное слово?

– Письменно и под руной, но не сегодня, – ответил он. – Сегодня устно. Вы вообще понимаете, с кем связываетесь? Я не спасаю женщин, госпожа Вейн. Я веду дела, и иногда дело совпадает с чьим-то спасением, но это всегда случайность.

– Мне случайность вполне подойдёт, – сказала я.

Он нахмурился, и мне показалось, что уголок его рта на секунду дёрнулся, но я не поручилась бы.

***

К вечеру я вернулась в дом на Вербной набережной. Северин Гаст впустил меня у ворот, кивнув, как кивает человек, которому не велели ни спрашивать, ни отвечать, и охранная руна над калиткой послушно мигнула: пока ещё она меня узнавала. Аурелия не было, он остался «в казначействе». В столовой стояла недопитая чашка, в гостиной кто-то уже переставил кресла так, будто готовил комнату к приёму, и я вдруг поняла, что за шесть лет ни разу не была в этом доме одна, без хозяина, и не знаю, где здесь можно сесть.

Супружеская спальня была на втором этаже. Я дошла до

лестницы, положила руку на перила, которые когда-то с гордостью полировала собственными руками, и постояла. Потом развернулась и вышла во двор.

Флигель встретил меня запахом бумаги и старых чернил. Я легла на кушетку прямо в платье, подложив под голову свёрнутый плащ, и слушала, как капает с крыши в то место над окном, где капало с весны. Масляный нож стоял у меня перед глазами, хотя я не брала его с собой: нож с медной ручкой и белым следом масла по краю. Над столом на гвозде висели мои кисти, а в каждой печати, которую я когда-либо делала, пряталась маленькая птичка, крапивник, мой тайный росчерк, о котором не знал никто, кроме Тонка. Это была моя глупая привычка гербовщицы, такая же, как привычка писать набело.

Я смотрела в потолок и повторяла про себя условия, которые только что приняла: тридцать процентов, ни марки сверху. Странно, но от этого стало легче дышать. У меня появился человек, который умел читать договоры злее меня, и он знал, как зовут моего мужа.

На рассвете я проснулась оттого, что в дверь поскреблась Доротея, и в щель просунулась записка. Три строки аккуратным почерком Пенелопы Штрих, без подписи и без приветствия, продиктованные, судя по слогу, не ею. Я развернула её, не вставая с кушетки, и прочла в сером свете:

«Принесите мне ваш брачный договор, госпожа Вейн, и до тех пор не подписывайте ничего, даже поздравительных

открыток».

Глава 2. Мировая на гербовой бумаге

Ящик бюро в гостиной был пуст, и я простояла над ним, наверное, минуту, прежде чем поверила глазам. Шесть лет здесь лежала моя копия брачного договора, в синей папке с потёртым корешком, под стопкой старых счетов и запасным ключом от чердака. Теперь на дне осталась только вмятина от папки, ровная, как оттиск, и один счёт за свечи, которому, видимо, не хватило важности.

За окном шлёпал дождь. Он зарядил ещё ночью, мелкий и упорный, и по стеклу текли тонкие дорожки, а в гостиной было так серо, что я зажгла лампу, хотя на часах не было и девяти. Я выдвинула остальные ящики, один за другим, потому что надеялась на глупость: что папку переложили, что кто-то из слуг прибирался. Нашлись счета, перочинный нож, веер, который я не видела с зимы, и больше ничего.

– Доротея! – позвала я, и голос у меня вышел резче, чем я хотела. – Доротея, вы не видели синюю папку? Она стояла здесь, в нижнем ящике.

Экономка появилась в дверях с тряпкой в руках и со связкой ключей, которые звякнули, как всегда, когда она останавливалась. Она оглядела пустой ящик, потом меня, потом ящик ещё раз.

– Не видела, госпожа Мирелла, – сказала она. – Только вчера поздно тан сидел в кабинете. Свет горел до часу, я сама по коридору проходила, чтобы лампы погасить. Дверь он запер изнутри, а утром велел не убирать у него до обеда.

– Ох, – выдохнула я. – Вы хотите сказать, что он взял её.

– Я хочу сказать, что дверь была заперта, – ответила Доротея. – Остальное вы сами умеете считать.

– Умею, – сказала я и закрыла ящик чуть сильнее, чем собиралась. – Ну надо же, Доротея. Шесть лет я думала, что это мой дом, а оказалось, что в нём даже мои бумаги принадлежат не мне. Вы не знаете, он что-нибудь ещё забирал? Кисти, книги, мои записи?

– Ничего, госпожа Мирелла, я бы заметила. Только эту папку. – Она сжала тряпку обеими руками и тихо добавила: – Вы бы позавтракали. Я оставила яйца на кухне, они остынут.

Я не пошла завтракать. Стояла у окна, считала дорожки на стекле и думала, как странно, что человек, который шесть лет вежливо передавал мне масло, ночью сидел за запертой дверью и что-то искал у себя в бумагах. Ничего не складывалось, но мне хотелось, чтобы сложилось, и это тоже было ремесло: не бросать линию, пока она не дошла до края.

Я умела. Села за бюро, достала из ящика чистую открытку с гербовой каймой, которую когда-то нарисовала для себя, и написала господину Грассу две строки: копии брачного договора больше нет, подозреваю мужа. Подписала полным именем, подумала и добавила постскриптум: «Ничего

не подписываю, как вы велели». Отправить записку с мальчишкой-посыльным оказалось проще, чем решить, чем занять руки, пока он дойдёт до Судейской набережной.

***

Квинт Мора приехал к одиннадцати. Я услышала экипаж раньше, чем он вошёл: тяжёлый, с хорошими рессорами, и колёса по мокрой брусчатке прозвучали глухо. Адвокат рода Сарго вошёл в гостиную, оставив зонт слуге, гладкий, лысый, пахнущий лавандой, будто он вышел не из дождя, а из шкатулки с саше. Следом вошёл Аурелий, сел чуть поодаль, у камина, и положил на колено перчатку.

– Тана Сарго, – наклонил голову господин Мора. – Рад вас видеть. Позвольте сразу приступить к делу, ваше время ценно.

– Я не тана Сарго, – ответила я. – Вернее, ещё тана, но вы называете меня так нарочно. Я Мирелла Вейн, господин Мора. По-другому не подписываюсь.

– Как вам угодно, тана, – сказал он и раскрыл портфель.

На стол легли два листа. Гербовая бумага, дорогая, плотная, с водяным знаком в виде орла, и на самом верху большая печать рода Сарго. Я не удержалась и провела по листу пальцем, потому что рука сама не умела пройти мимо хорошей бумаги.

– Бумага отличная, – признала я. – Сто двадцать граммов, не меньше, лён с хлопком, и край ровный, резали по линейке. А вот печать, господин Мора, мне не нравится. Руна си-

дит криво, видите? Левый хвостик подсох раньше правого, потому что мастер торопился. Я бы её переписала.

– Мирелла, – мягко сказал Аурелий от камина. – Давай всё же прочитаем, что предлагается, а потом обсудим печати.

– Я читаю, – сказала я и прочла.

Читала я медленно, как привыкла читать чужие заказы. Восемь тысяч марок: пять по брачному договору и три «сверх обязательств, в знак доброй воли рода Сарго». Отъезд в Сольгаву до праздника урожая. Обязательство не возвращаться в столицу пять лет. И мастерская, которую она, то есть я, принимает «со всем изготовленным в ней за годы брака». Строка стояла в середине, между обещанием не оспаривать раздел и отказом от притязаний на дом. Я перечитала её дважды и почувствовала то, что чувствую, когда в чужом чертеже сходятся не все линии: что-то в ней сидело нехорошо, но объяснить, что именно, я не смогла бы.

– Господин Мора, – спросила я, – а почему «со всем изготовленным»? Моя мастерская мне и так принадлежит, там мой стол, мои инструменты и мои запасы. Что вы собираетесь на меня переписать, кроме бумаги?

– Это обычная формулировка, тана, – ответил он, не меняясь в лице. – Принимая мастерскую, вы принимаете всё, что в ней находится и что в ней создавалось, с ответственностью за содержание. Формула старая, её применяют, чтобы не возникало споров о незавершённых заказах.

– Хм. У меня нет незавершённых заказов на сумму, ради

которой нужна ответственность, – сказала я. – Есть мясники, и ещё один чайный дом хочет вывеску. Ладно, допустим. А пять лет почему? Пять лет я должна пересидеть в Сольгаве у мамы и плести пряжу?

– Чтобы дать время утихнуть слухам, – вмешался Аурелий, и в голосе его не было ни капли раздражения. – Это не наказание, Мирелла. Это забота. Я предлагаю тебе достойный выход, и мне бы не хотелось, чтобы ты приняла его за слабость. Люди будут говорить, у нас в Верхнем городе умеют это делать, и тебе лучше быть подальше. Ты получишь деньги, мастерскую, тишину, и ни один человек не скажет о тебе дурного слова.

– А если я не поеду?

– Тогда ты останешься в столице, – он развёл руками, и перчатки блеснули. – Рядом со мной и с Лианной. Тебе будет неловко, нам тоже. Я не хочу этого для нас обоих.

Я положила лист на стол и подвинула его к господину Море, аккуратно, чтобы край лёг ровно.

– Я не подпишу, – сказала я. – Не сегодня и не в такой формулировке. Мне нужно показать это моему адвокату.

– У вас уже есть адвокат? – переспросил Квинт Мора, и бровь у него поползла вверх, хотя лицо осталось гладким.

– Есть. Господин Грасс, с Судейской набережной.

Аурелий впервые за утро потерял спокойствие. Это длилось одно мгновение: пальцы на перчатке сжались, и он тут же разжал их, как человек, поймавший собственный жест.

Но я видела и подумала, что до сих пор ни разу не видела, чтобы он хоть на что-то реагировал так быстро.

– Грасс, – повторил он негромко. – Что ж. Это твоё право.

***

Когда господин Мора собирал бумаги в портфель, а я искала в кармане платок, в передней хлопнула дверь, и по коридору прошёл лёгкий шорох. Аурелий поднялся.

– Мирелла, прошу тебя на минуту. Я привёл к нам гостью. Лианна хотела бы посмотреть дом.

Я не сразу поняла, что вообще слышу. Потом в гостиную вошла девушка. Невысокая, тёмные кудри до плеч, мокрые на концах, серое дорожное платье, на шее на тонкой цепочке медная чешуйка, которая лежала у горла и казалась слишком тёплой для такой дождливой погоды. Ей было двадцать три, как я знала, но выглядела она моложе, потому что стояла, стиснув пальцами край рукава, и не смела пройти дальше порога.

– Здравствуйте, – сказала она. – Госпожа Вейн, я… Я не хотела, чтобы вот так. Простите. У вас очень красивые печати на воротах.

– Это я рисовала, – ответила я почти автоматически.

– Я знаю. Тан Аурелий говорил. Они… очень точные.

Она вертела в пальцах чешуйку, и я вдруг заметила, что у неё дрожат плечи. Вот тебе и злодейка, подумала я. Девочка в мокром платье, которой не сказали, что хозяйка дома окажется в той же комнате. Я могла бы сказать ей что-нибудь, от

чего она выбежала бы под дождь. Я даже знала, что именно. Но передо мной стояла не она, а человек, которого вели по моему дому, как привели бы лошадь на ярмарку, и мне вдруг стало её жалко.

– Госпожа Корт, – сказала я, – если вы хотите видеть дом, начнём с крыши. Идёмте, я покажу. Только осторожнее на лестнице, на втором этаже капает.

Мы поднялись на второй этаж. Я показывала ей всё по порядку, как показывала бы заказчику контору: вот в этом углу окно рассохлось, зимой оно будет свистеть, здесь по стене пошла трещина, надо вызвать штукатура до морозов, у камина в кабинете тяга слабая, дымит, если ветер с реки. Лианна слушала внимательно, кивая, и один раз даже достала из рукава маленькую записную книжку и записала про штукатура. Аурелий шёл позади и молчал, а на чердаке, где в углу стояло ведро, в которое капало с потолка, Лианна вдруг обернулась ко мне.

– Вы так спокойно рассказываете, – прошептала она. – А я бы кричала.

– Ох, госпожа Корт, я кричу, – ответила я. – Просто не при заказчиках. Идёмте вниз, вы промокнете.

***

Аурелий поймал меня на лестнице, когда Лианна уже стояла в передней, а слуга подавал ей плащ. Он взял меня за локоть, не больно, в точности как берут, когда хотят остановить и не хотят, чтобы заметили.

– Мирелла, на два слова. Я не рассчитывал, что ты будешь так любезна. Спасибо.

– Это не любезность, это ремесло, – сказала я. – Я не позволю чужому человеку ходить по дому с протекающей крышей и не предупредить. Что тебе нужно?

– Мне нужно, чтобы ты была благоразумна. – Он смотрел на меня светлыми глазами, и в них не было ничего, кроме терпеливой заботы. – Сегодня утром в Палату подали прошение о разводе. Я не хотел говорить тебе так, но юристы считают, что тянуть нельзя. Теперь всё пойдёт своим ходом, и от тебя зависит, будет ли это тихо. Мировая выгодна тебе, ты это знаешь. Ты же не станешь устраивать скандал из-за грязной бумаги.

– Ох, Аурелий, – сказала я, – ты называешь бумагу грязной, а сам заказал её у лучшего поставщика. Ну уж нет, я не стану подписывать то, что не перечитала дважды. Помнишь, как ты сам говорил мне: «Не подписывай, не прочитав»? Это были твои слова, в нашу вторую зиму, когда я пыталась взять заказ у гильдии булочников.

– Помню, – ответил он. – И по-прежнему так считаю. Только тогда речь шла о булочниках, а сейчас о нашей общей жизни, и мне бы не хотелось, чтобы ты видела подвох там, где его нет. Господин Мора составил всё в твою пользу, насколько позволяет закон.

Господин Мора с готовностью наклонил блестящую голову, подтверждая, что да, именно в мою, и именно насколько

позволяет закон.

– Из-за грязной бумаги не стану, – согласилась я. – А из-за чистой попробую. Аурелий, ты подал прошение сегодня утром, а вчера вечером на мой вопрос, где ты был, ты ответил «в Палате». Я не умею считать так же быстро, как ты. Но мне кажется, что-то не сходится.

– Всё сходится, – ответил он очень ласково. – Просто ты слишком устала, чтобы видеть. Отдохни. Если захочешь поговорить, я у себя.

Он поднялся наверх, и дверь кабинета закрылась мягко, как закрываются двери у людей, привыкших к тому, что за ними никто не гонится. Внизу хлопнула дверь экипажа. Дождь не прекращался.

***

День прошёл, как проходят дни, когда делаешь вид, что работаешь. Я разобрала краски и протёрла кисти. Проверила три заказа и поняла, что из них можно закончить только один. Написала матери письмо, две строки, потому что третью не смогла придумать. А поздно вечером, когда дождь наконец ослаб, а Аурелий погасил лампу в кабинете, я лежала на кушетке с открытыми глазами и слушала, как по крыше сползает последняя вода.

Ключ в замке повернулся без стука. Доротея вошла босиком, в ночной рубашке, накинув на плечи старую шаль, и свечу держала в ладонях, закрыв её от сквозняка. Я села, натянув плащ до подбородка.

– Что случилось?

– Тише, госпожа Мирелла. – Она присела на край стола, и я заметила, что руки у неё дрожат, чего раньше не бывало. – Я не собиралась говорить. Я тридцать пять лет ничего не говорю, потому что за это платят, но сегодня… Вы же его жена. Были. Вы заслужили.

– Доротея, говорите.

– В кабинете тана, в камине, – прошептала она. – Он сжигал бумаги сегодня, уже после вашей мировой, я чуяла дым на чёрной лестнице. Теперь он спит, я заходила с уборкой, и там пепел. Много. Тан не знает, что я ходила. Идёмте.

– Но почему вы не оставили всё как есть? – спросила я, уже вставая и нащупывая плащ. – Господи, Доротея, вы же служите здесь с двенадцатого года. Если он узнает, что вы показали мне камин…

– Он узнает, что я прибирала, – сказала она и вдруг очень прямо подняла подбородок. – А я не позволю, чтобы в этом доме жгли бумаги, которых я не видела. Мне шестой десяток, госпожа Мирелла, и я не хочу, чтобы на мои ключи потом кто-нибудь показывал пальцем. Идёмте.

Мы пересекли двор в темноте, под мелким дождём, который снова вошёл в силу, и поднялись по чёрной лестнице. Доротея открыла кабинет своим ключом, поставила свечу на край каминной полки и присела, а я заглянула в очаг. Золы там было много, серой, мягкой, с ломкими обугленными краями. Чёрные хлопья ещё хранили форму листов. Я по-

ворошила их кочергой, неловко, чтобы не наделать шума, и в самой глубине, под обгорелым поленом, что-то блеснуло чуть иначе, чем зола.

Я наклонилась, взяла находку двумя пальцами и поднесла к свече. В камине лежал обгоревший уголок листа, и на нём ещё можно было разглядеть казначейского орла.

Глава 3. Дом меня не узнал

В подвале Палаты брачных тяжб пахло мышами и сырой бумагой, и мне казалось, что этот запах держится здесь с момента основания империи. Я достала из кармана конверт, развернула его на столе под лампой и положила перед Корвином Грассом обгоревший уголок.

– Вот, – сказала я. – Я нашла это вчера в камине мужа. Доротея показала, где смотреть. Здесь орёл казначейства, видите? А снизу какие-то цифры, но их почти не разобрать.

Корвин не ответил сразу. Он стоял под лампой в чёрном сюртуке и в чёрных перчатках, высокий, и тень от его головы ложилась на каменный свод. Взял уголок двумя пальцами, повернул к свету, поднёс к лицу и втянул воздух, как делают, когда хотят определить сорт чернил по запаху. Потом достал из внутреннего кармана чистый конверт, спрятал туда находку и убрал обратно.

– Потом, – сказал он.

– Что потом? – спросила я. – Вы даже не скажете, что это?

– Скажу, когда буду знать наверняка, госпожа Вейн, – ответил он. – Я не люблю делиться догадками, потому что клиенты строят на них замки, а потом приходят ко мне плакать. Сейчас у нас другое дело.

Другое дело явилось из-за стеллажа в лице Агнессы Вилль. Хранительница брачных договоров оказалась жен-

щиной лет тридцати пяти с веснушками и в нарукавниках, с таким выражением лица, будто каждый документ в этом подвале был её личным ребёнком, которого приходится отдавать в чужие руки. Она несла папку двумя ладонями.

– Архивный экземпляр, по запросу госпожи Штрих, – произнесла она. – Выдаётся для чтения на месте, выносить нельзя. Копию заверю к понедельнику, как вы просили, господин Грасс.

– Не как я просил, а как вы обязаны по уставу, госпожа Вилль, – поправил Корвин, и мне показалось, что он не хамит, а просто констатирует. – Заверенную копию основного текста мне нужно в понедельник к полудню. Не в понедельник к вечеру, а к полудню.

– Будет к полудню, – вздохнула Агнесса, и я поняла, что ей это сказали не в первый раз.

***

Он читал вслух. Я сидела напротив, на жёстком стуле, и слушала собственный брачный договор, как слушают чужой приговор. Голос у Корвина был ровный, без выражения, как у человека, который читает опись имущества. Статья первая: стороны обязуются беречь друг друга от вреда и бесчестья. Статья вторая: при подтверждённой истинности одной из сторон, если драконом является мужчина, развод может быть признан «без вины», и тогда дом остаётся ему, а жене назначается пять тысяч марок. Статья третья…

– Остановитесь, – сказала я. – Я знаю, что там написано.

Я сама переписывала это набело.

– Вы переписывали?

– В ночь перед свадьбой. Черновик был от господина Моры, а чистовик делала я, потому что мне хотелось, чтобы он был красивым. Помню, что у меня тогда рука болела до утра.

– И всё равно не прочли, что подписываете, – заметил он без упрёка.

– Я читала, – ответила я. – Тогда мне казалось, что это про нас с Аурелием не будет иметь значения.

Корвин положил договор на стол и снял с него ладони. Перчатки не издали ни звука.

– Я не скажу вам, что всё будет хорошо, потому что мне за это не платят, – произнёс он. – Но скажу, что плохо бывает и дороже. Шансы у вас, госпожа Вейн, по договору плохие. Дракон с подтверждённой истинной вправе развестись «без вины», дом остаётся ему, вам пять тысяч, и суд, скорее всего, ничего другого не присудит. Единственное, на что можно давить, это раздел и срок, и то я бы не обещал. Не обижайтесь, но вы платите мне за правду, а не за утешение.

– Я не обижаюсь. – Я потёрла лоб, чувствуя, как к вечеру наваливается усталость. – Господин Грасс, а нельзя ли посмотреть на последний лист? Мне кажется, я когда-то украсила поля.

Он перевернул последнюю страницу. Поля исписаны были мелким узором, плотным, похожим на кружево или на стежки вышивки, и тянулись по всему краю. Корвин провёл

по ним глазами, нахмурился, склонил голову набок.

– Вы это делали?

– Привычка. Я всегда украшаю последний лист, чтобы не оставлять пустой край. Не обращайте внимания, это просто завитки.

– Хм, – сказал он, потеряв к ним интерес так же быстро, как приобрёл. – Красиво. Но суду не нужна красота, ему нужен текст. Сегодня пятница, а вы выглядите так, будто уже воскресенье. Устали?

– Я устала так, что завтра с утра придётся вспоминать, как меня зовут, – призналась я.

– Тогда идите домой, госпожа Вейн. Или куда вы теперь идёте.

Он сказал это без издёвки, но фраза зацепилась, как заноза, и я шла к лестнице, а в голове всё вертелось: «куда вы теперь идёте». Узор на полях, как мне казалось, больше ничего не значил, и я о нём тут же забыла.

***

Корвин ушёл вперёд, а мы с Агнессой Вилль задержались у стеллажа: она вписывала в журнал мою фамилию, медленно, с нажимом, и вдруг сказала вполголоса, не поднимая головы:

– Госпожа Вейн, я хранила много договоров, и чужих слёз тоже перевидала. Вы сегодня ни разу не заплакали. Я хочу сказать, что это не всегда хорошо. Идите домой и выпейте что-нибудь горячее.

– Спасибо, – ответила я. – Только у меня, похоже, нет теперь «домой».

Она подняла на меня глаза, веснушчатые щёки порозовели, и она больше ничего не сказала, только поправила нарукавник. Я поднялась по лестнице из подвала на площадь, где гудели тридцать канцелярий, и дышала так, будто всё это время просидела под водой.

К вечеру небо над Вербной набережной расчистилось, и воздух пах мокрой листвой. Я шла пешком от канцелярии, потому что не могла сидеть в закрытом экипаже, и всю дорогу прокручивала в голове один и тот же вопрос: что будет, если дом меня больше не пустит? Я не верила в это. Я, наверное, просто не успела подумать. Но дом Сарго встретил меня закрытыми воротами.

Не так, как закрывают на ночь: на калитке мигала красная руна, и когда я протянула руку к кольцу, ладонь отдёрнуло, как от горячего чайника. Я попробовала ещё раз. Руна вспыхнула ярче и вытолкнула меня на полшага назад, не больно, но с такой окончательностью, что у меня подкосились колени.

– Нет, – сказала я вслух. – Нет-нет-нет, подожди. Это же я.

Рядом на тротуаре стояли мои сундуки. Три штуки: два с одеждой и один побольше, окованный, с моими инструментами. Крышки перевязаны верёвкой. Рядом, у столба, переминался с ноги на ногу Северин Гаст, рябой кучер, и смотрел в мостовую, как человек, которого поставили сторожить

чужую беду и не объяснили, как это делается.

– Северин, – сказала я. – Что происходит?

– Госпожа Вейн, – он поднял глаза на секунду и снова опустил. – Тан велел вынести вещи. Сказал, что после подачи прошения вы вправе забрать личное, а в дом он вас пустить не обязан. Руна переписана. Простите.

– Кто переписал руну?

– Не знаю, госпожа. Сегодня днём приходил мастер из гильдии.

Гильдейский мастер, значит. Кто-то из моих коллег, возможно, один из тех, с кем я здоровалась на собраниях. Я поглядела на ворота, которые сама когда-то расписывала три недели, подбирая каждую линию, и поняла, что в этот момент мои собственные печати стоят против меня, и стоят безупречно.

– Мастерская? – спросила я.

– Заперта, госпожа. Замок поменяли. Я сам видел.

– А Доротея?

– Госпожа Хольм сегодня не выходила.

Тогда я закричала. Я не помню точно, что именно, но кричала довольно долго, и вряд ли это можно назвать связной речью. Я кричала на ворота, на печать, на рябого кучера, который стоял столбом, на дом, который шесть лет принимал меня и теперь не узнавал. Дом меня не узнал, понимаешь, Северин, не узнал! Я вымыла в нём каждое окно в первую весну, потому что слуги тогда ещё не привыкли ко мне, и

сама повесила занавески в Доротеиной комнате, а теперь он смотрит на меня красной руной, как на воровку! Я сказала воротам, что это ошибка, что я человек, что я здесь жила, что я их расписывала и каждая завитушка этой руны выведена моей рукой. Руна мигала, ровно и равнодушно. Из окна второго этажа никто не выглянул, и от этого стало ещё хуже.

А потом на меня вдруг накатило что-то другое, и я рассмеялась, тихо и некрасиво, хватаясь за верёвку на крышке сундука, потому что получилось смешно: гербовщица, которая рисует печати для половины богатых домов столицы, сидит на тротуаре перед собственным домом и не может пройти через свою же руну. Слёзы текли по лицу, а я смеялась, и Северин в ужасе переминался рядом и протягивал мне носовой платок, чистый, с вышитой монограммой.

– Не надо, – сказала я, вытирая щёки рукавом. – У меня свой есть. Это просто… Господи, Северин, ты бы видел своё лицо.

***

Флору я нашла по запаху. Чайная на Медном мосту пахла корицей и мукой, у входа сидела толстая кошка, а за стойкой, раскрасневшаяся, с короткой стрижкой, в фартуке, перемазанном до локтей, ругалась с булочницей Евлалией Тромм по поводу вчерашнего завоза. Увидев меня на пороге, с мокрыми щеками, она бросила фартук на прилавок и всплеснула руками.

– Ми-ира! Что с тобой? Ой, нет, молчи, я и так вижу. Он

тебя выставил?

– Он выставил сундуки, – всхлипнула я. – А сам я стою у чайной и не знаю, с чего начать.

– Начни с порога, – сказала Флора. – Вот этот вперёд, вот этот ставь сюда. Эй, кто-нибудь, помогите госпоже с сундуками!

Извозчик, которого она остановила на бегу, сам дотащил сундуки через мост, потому что Флора пообещала ему кусок пирога и щедро, как умеет только она, заплатила вперёд. Мы поднялись по узкой лестнице на второй этаж. Над чайной было две комнаты: в одной жила Флора, другая досталась мне, комната под скошенным потолком, бывшая тёткина, с узкой кроватью, комодом и окошком на реку. Я вошла, задела головой балку и села на постель прямо с мокрым плащом.

Флора принесла пирог. Огромный, с яблоками, с корочкой, которая хрустела, и с чаем, налитым в две чашки, от которых шёл пар.

– Ешь, – велела она. – Ми-ира, ешь пирог. Плакать можно с набитым ртом, я проверяла.

– Ты проверяла? – спросила я, откусывая.

– Когда от меня ушёл жених, перед самой свадьбой. Проверила, подтверждаю. Только жевать надо медленно, а то подавишься. Да и вообще, Мира, ты у меня не первая, кто сидит на этой кровати с красным носом. Ну а теперь выкладывай: он хоть извинился?

– Он предложил мне достойный выход, – сказала я. – И

пять тысяч марок.

– О-о, – протянула Флора, и в этом «о-о» было столько презрения, что кошка под столом подняла голову. – Достойный выход. У меня достойный выход во двор, там помойка. А адвокат у тебя есть?

– Грасс.

– Тот самый Грасс? – Флора села на пол, потому что стульев в комнате не было. – Мира, он берёт за один вечер столько, сколько я за месяц. Он страшный?

– Он грубый, – ответила я. – И честный. Сегодня он сказал мне, что шансы плохие, и я ему поверила больше, чем всем, кто говорил, что всё будет хорошо. А ещё он читает вслух так, будто опись описывает, и я, представь, слушала и думала: вот человек, у которого нет ни одного лишнего слова.

– Ага, – сказала Флора и хитро прищурилась. – Лишних слов нет, а «вы» осталось. Ладно, ешь.

Я жевала медленно и плакала, и пирог был сладкий и немного солёный, и я подумала, что за эти шесть лет я заходила к Флоре непростительно редко. Мы с ней познакомились в тридцать девятом, она заказала у меня вывеску для чайной, и с тех пор она единственная, кто называл меня Мирой, и единственная, кого я пускала так близко. Флора молча подливала чай, иногда трогала меня за плечо мучной ладонью и почти не задавала вопросов, пока я не доела.

– Ну, теперь рассказывай, – сказала она наконец. – Только не про него. Про тебя. Что тебе нужно, чтобы завтра встать?

– Мне нужен инструмент, – ответила я. – Мои кисти. Сундук с инструментами, раз уж он здесь. Я хочу проверить, всё ли цело.

– Проверяй, – сказала Флора. – А я пока подогрею суп.

***

Она ушла вниз, а я подтащила окованный сундук к окну и развязала верёвку. Внутри всё было сложено наспех: кисти, перья, баночки с красками, лупа, пузырёк с золотым порошком, перо с медным наконечником, подарок Тонка, завёрнутое в тряпицу. Я перебирала вещи по порядку и снимала каждую с крючка памяти: это куплено в тридцать девятом, это в сороковом, это подарено, это сделано своими руками. Пузырёк с золотом был наполовину пуст, и я вспомнила, как в прошлом месяце наносила это золото на гербовую каёмку для гильдии мясников. Лупа лежала, как всегда, в мягком мешочке, потому что без мешочка она царапалась. Мне стало легче: вещи были на месте, а значит, и сама я была где-то рядом.

Потом дошла до дна. Перевернула верхний слой, ощупала углы, вынула вставную дощечку, под которой хранила самое нужное. Книга должна была лежать здесь: плоская, в зелёной коже, с медным уголком на переплёте и ленточкой-закладкой, которую я выбрала ещё в тридцать девятом, когда делала в ней первую запись. Я всегда клала её на дно, под дощечку, лицом вниз, чтобы кожа не вытиралась о дерево. Там не было ничего.

Хм, подумала я, ну конечно. Я могла оставить её во флигеле, на столе, под бумагами. Я вспомнила, как в среду утром сидела над мясницким заказом и открывала её, чтобы сверить сроки, и закрыла её, а потом положила… куда? Я не помнила. Я пробовала вспомнить, и память скользила, как мыло в тазу: вот я у стола, вот чашка чая, вот Доротея с ключом, а книги нет ни в одной из этих картинок. Я вытряхнула весь сундук на кровать, а затем проделала то же с обоими сундуками с одеждой, платье за платьем, и села среди тряпок, глядя на пустое дно.

Зелёной книги заказов в сундуке не было, а без неё я не могла бы доказать даже то, что шесть лет вообще работала.

Глава 4. Тридцать процентов и ни марки сверху

Письмо от матери Флора принесла утром в понедельник, вместе с корзинкой тёплых булок, и положила на стол так осторожно, словно это был горячий противень.

– Почтальон оставил, – сказала она. – Пришло вчера вечером, а ты спала, как убитая. Я не вскрывала, хоть мне и очень хотелось.

Чайная только открывалась. Окна выходили на реку, туман ещё лежал над Медным мостом, и пахло дрожжами, корицей и мокрым камнем. Я сидела за дальним столиком с чашкой чая, который остыл, пока я смотрела в окно, и думала о том, как плохо спала на новом месте. Подушка пахла чужой лавандой, балка над головой была слишком низко, а ночью мне три раза приснились ворота, которые не открываются.

Письмо было короткое, написанное знакомым круглым почерком: мама никогда не писала длинно. «Мирелочка, доченька, до меня дошли слухи, что тан Сарго хочет разойтись. Не воюй с ним, подпиши, что предложит, и приезжай, у нас тихо, осень в этом году тёплая, а лавка без тебя пустая. Соседка спрашивала про тебя, а я сказала, что ты занята. Приезжай, подпиши, и мы заживём». Подпись: «Мама». И

внизу приписка: «Не слушай никого, кто подсказывает тебе остаться».

– Ну, что там? – спросила Флора. Она стояла над душой, вытирая руки о фартук.

– Подпиши и приезжай, – прочитала я. – У нас тихо.

– Мама?

– Мама. – Я сложила письмо вчетверо и убрала в карман. – Она не знает ничего, кроме слухов. Но самое обидное, что в её письме самое разумное предложение из всех, какие мне сделали за неделю.

– Разумное и подлое, – отрезала Флора. – Я твою маму не знаю, но, наверное, милая женщина. Мира, ты поедешь?

– Нет. – Я допила холодный чай и поморщилась. – Пока не пойму, чего от меня на самом деле хотят. Мне нужно в контору. Сегодня подписываем гонорар.

Флора вздохнула, сунула мне в руки булку в салфетке и перекрестила воздух у меня перед лицом.

– Иди. Только надень что-нибудь поприличнее, на тебе чужая шаль.

– Это твоя шаль, Флора.

– Вот именно, а я ходила в ней в лавку за мукой! Ох, Мира, ну что у тебя за вид. Иди сюда, поправлю воротник. Господи, да у тебя пуговица на нитке, как ты в таком виде в Палату собралась?

Она пришила пуговицу прямо на мне, зажав нитку зубами, и я стояла посреди зала, смущённая и смешная, пока бу-

лочница Евлалия Тромм с улицы заглядывала в окно и показывала нам большой палец. Стало немного теплее. Мама просила не воевать, Флора пришивала пуговицу, и между двумя этими заботами я нашла себе место, которое можно было занять без стыда.

***

Пенелопа Штрих встретила меня на пороге, приподняла очки и молча указала на дверь кабинета. На этот раз я не ждала. Корвин сидел за столом и что-то писал, а на краю стола лежал свёрнутый лист с красной нитью, и рядом стоял прибор для руны: тонкая медная игла в подставке.

– Присаживайтесь, госпожа Вейн, – сказал он, не отрываясь. – Это договор о гонораре. Читайте внимательно, у вас три минуты, и потом я перестану быть добрым.

Я читала не три минуты, а сорок. Договор был составлен хорошо, и это меня раздражало, потому что придраться хотелось сильнее. Нашлись и придирки. В пункте четвёртом стояло «в разумный срок», без указания срока, и я вытащила из сумки карандаш.

– Вот здесь, – сказала я. – У вас «в разумный срок», а я разумная, господин Грасс. У меня срок до понедельника.

Он поднял голову. Кончик пера замер над бумагой, и тут я заметила: он не злится, а слушает.

– Какого понедельника?

– Следующего. Или любого, но названного. Если у вас в договоре срок не указан, то у вас и ответственности нет, а

у меня есть проценты. Давайте впишем: «не позднее пятнадцати дней со дня судебного решения». И ещё пункт шестой, вот здесь. «Расходы стороны» вы описали тремя строками, а мне хочется знать, что именно вы будете вычитать. Курьеров, печати, извозчика?

– Курьеров и печати, – ответил он. – Извозчика я оплачиваю сам, потому что не терплю мелочей в расчётах.

– Хм. Вносим. А что с «ни марки сверху»? Вы это сказали устно, а письменно здесь «и иные причитающиеся суммы». Что такое иные суммы?

Он молчал так долго, что за дверью зашуршала Пенелопа. Потом отложил перо.

– Иные суммы, госпожа Вейн, это формулировка на случай, если я вас обману. А я вас не обману. Правьте.

Я правила. Строчка за строчкой, как правят чужие эскизы: подчёркивала, вычёркивала, вписывала сверху мелким почерком. Корвин молча придвинул мне второй экземпляр, чтобы я ничего не пропустила, и один раз, когда я переставила запятую, чуть слышно хмыкнул. Пенелопа Штрих вошла с чаем, поставила чашку, взглянула на мои правки через плечо, и впервые за всё время, что я здесь бывала, на её суховатом лице появилась улыбка. Короткая, как росчерк.

– Господин Грасс, – сказала она, – по-моему, вам придётся сделать скидку на пунктуальность.

– Пенелопа, – отозвался он, – идите считать чужие марки.

Когда мы закончили, он взял иглу, поднёс к листу и вы-

вел на нём руну, красноватую, живую, которая на секунду вспыхнула и впиталась в бумагу. Потом протянул иглу мне. Я скрепила второй экземпляр рядом, чувствуя, как рука на мгновение стала горячей.

– Тридцать процентов сверх пяти тысяч, – сказал он. – Под руной, без права пересмотра. Вы только что подписали договор, который сами же и улучшили.

– Мне нравится улучшать, – ответила я.

– Заметно. Пойдёмте, нас ждёт судья.

Пенелопа Штрих догнала нас у двери с папкой под мышкой и сунула мне в руки аккуратный свёрток.

– Копия договора, – сказала она сухо. – Не теряйте. И ещё, госпожа Вейн: господин Грасс не умеет напоминать, он умеет сердиться. Все его назначения я записываю в тетрадь, так что спрашивайте меня, а не его.

– Хм, спасибо, – ответила я. – Вы всегда так заботитесь о клиентах?

– Нет, – сказала она. – Обычно я только выписываю счета. Идите, опоздаете.

***

Палата брачных тяжб занимала целый квартал на площади Тридцати канцелярий. Канцелярия номер семнадцать пряталась на втором этаже, в конце длинного коридора с кафельным полом, где гулко отдавались шаги. Зал предварительных слушаний оказался небольшим, с низким куполом и деревянными скамьями, на которых сидели человек десять,

ожидая своей очереди. Пристав Ипполит Ведд, зычный, как сигнальный рожок, выкрикнул наше дело так, что у меня зазвенело в ушах.

Судья Октавиан Брегг, человек под семьдесят с большими ушами, сидел под куполом и постукивал печатью по столу в такт собственным мыслям. Когда он повернул голову, я увидела, что уши у него и правда оттопырены, и мне вдруг стало легче: человек с такими ушами не может быть совсем равнодушным.

Квинт Мора встал первым. Он изложил дело гладко, без запинки, как заученную молитву: тан Сарго подаёт на развод «без вины», в связи с подтверждённой истинностью, стороны уведомлены, предложена мировая на справедливых условиях, которую сторона жены отказывается подписать. Он просил судью утвердить раздел по брачному договору и закрыть дело.

– Ваша честь, – поднялся Корвин, и голос его в тихом зале зазвучал так, что даже судья перестал стучать печатью. – Сторона жены оспаривает раздел и просит время. Брачный договор был подписан шесть лет назад, а сегодня выясняется, что предложенная мировая содержит обязательства, которые не вытекают из договора и не имеют законного основания. Мне нужно время на изучение материалов, и я прошу назначить главное заседание не ранее, чем через месяц.

– Господин Грасс, вы всегда просите время, – проскрипел судья.

– Ваша честь, а мой клиент всегда его получает, – ответил Корвин спокойно.

– Ваша честь! – вскочил Квинт Мора. – Это возмутительно, мы теряем время на пустые формальности. Тан Сарго человек занятой, государственный муж, и затягивание дела только увеличивает расходы обеих сторон!

– Расходы сторон считает суд, господин Мора, а не защита, – проскрипел судья и постучал печатью. – Сядьте. Ну, госпожа… Вейн, правильно? Вы подтверждаете, что не подписывали мировую?

– Подтверждаю, ваша честь, – сказала я, и голос у меня предательски дрогнул, но я его удержала. – Я хочу сначала понять, что подписываю, а потом уже решать, подписывать ли.

– Разумный подход, – буркнул судья, и мне показалось, что уши его чуть шевельнулись. – Многие приходят сюда и подписывают, не читая, а потом носят ко мне жалобы. Хорошо. Внесём в протокол.

Судья хмыкнул, пошуршал бумагами и объявил главное заседание на понедельник, четырнадцатое октября. Печать стукнула по столу, как точка в конце фразы. Я стояла, вцепившись в сумку, и считала дни: тридцать пять. Тридцать пять дней до того, как решится, где я буду жить.

На выходе, у дверей зала, я увидела их. Они шли по коридору навстречу: Аурелий в сером сюртуке, с безукоризненной осанкой, и рядом с ним Лианна, в светло-зелёном платье,

с цепочкой на шее. Она что-то говорила ему вполголоса, он слушал, склонившись, как слушают дорогого человека. Потом он увидел меня. Лицо его не дрогнуло. Он кивнул мне, вежливо, как знакомой, с которой столкнулся в приёмной, и прошёл мимо.

Я осталась стоять. В голове не было ни одной мысли, кроме глупой: перчатки у него сегодня светлые, не те, что были за завтраком.

– Госпожа Вейн, – сказал Корвин за плечом. – Если вы сейчас сделаете то, о чём подумали, я возьму с вас двойную плату за урон репутации. Пойдёмте.

***

Он повёл меня не в контору, а в кабак у канцелярий, тёмный, с низкими потолками и столами, изрезанными ножами. Хозяин, едва завидев чёрные перчатки, поставил перед нами кувшин сидра и тарелку жареной колбасы, не спросив ничего. Мы сели у стены. Корвин снял сюртук, повесил его на крючок, и я впервые увидела его без этой тяжёлой одежды: широкие плечи, жилет, рубашка, закатанные у запястий рукава. Только перчатки остались.

– Ешьте, – сказал он. – Вы с утра не ели.

– Я съела булку.

– Это не еда, а сопротивление голоду. – Он придвинул колбасу. – Теперь слушайте. Я скажу вам одну вещь, и мне нужно, чтобы вы не перебивали. Двадцать шестого августа эрцтан Корт назначил ревизию мостовых смет. Это не сек-

рет, но и не слух: об этом знают человек пять. Мне сказал один из них, Гервасий Лунд, ревизор. Честный, как все больные люди.

– Мостовых смет? – переспросила я. – Но при чём тут мой муж?

– При том, что он ведает этими сметами. – Корвин налил себе сидра. – А теперь вспомните тот уголок. Орёл казначейства, цифры снизу. Я показал его Лунду вчера вечером, и он подтвердил: по краю и по шрифту это, похоже, ордер на выплату. Не архивный образец, а действующий бланк, с которого что-то выплатили.

– Хм. – Я сжала в руках кружку. – Но я не видела ордеров. Я работаю по заказам. Мне приносят образцы, я рисую печати, и всё.

– Я знаю, что вы делаете, – ответил он. – Я хочу понять, чего вы не видите. Допустим, ордер действительно настоящий. Тогда вопрос не в том, что нарисовано на этом уголке, а в том, кто и когда держал в руках эту бумагу до того, как она оказалась в камине. И почему ваш муж, человек аккуратный, не бросил её в печь целиком, а позволил хоть краю уцелеть.

– Может, торопился, – предположила я. – Или не заметил. Ох, господин Грасс, я не знаю! Я шесть лет считала, что знаю, как он живёт, а теперь понимаю, что знала только то, что он давал мне увидеть. Я ведь даже не знала, во сколько он возвращается с работы по четвергам.

– Это нормальная картина для брака, – сказал Корвин су-

хо. – Мы с вами не будем делать выводов раньше времени. Посмотрим документы, потом решим. Госпожа Вейн, ваш муж торопится не к истинной, он торопится успеть до ревизии, и мне очень интересно, что именно он боится в ней увидеть.

Я молчала. Сидр был сладкий, колбаса жирная, и за соседним столом двое судебных писарей спорили о ценах на чернила. Мир вокруг оставался таким же обычным, а у меня в голове скрипела дверь, которую давно пора было открыть и которую я всё это время убеждённо считала стеной.

– Я не понимаю, при чём тут я, – сказала я наконец. – Мои печати чистые. Каждый лист я рисовала набело.

– Я не спорю с вашей чистотой. – Корвин достал из кармана блокнот и что-то записал карандашом. – Но мне нужно, чтобы вы пришли в среду в казначейство. Монетная улица, третий этаж, читальный зал ревизии. Я договорился с Лундом, он покажет вам несколько документов. Ничего не пугайтесь и ничего не подписывайте. Просто посмотрите.

– А если я не узнаю ни одного?

– Тогда вам будет хуже, чем если узнаете, – ответил он. – Но я бы всё равно хотел знать.

Он допил сидр, оставил на столе несколько грошей и поднялся, взяв сюртук. Я пошла следом, не доев колбасу, а на пороге, пока хозяин открывал нам дверь, он обернулся и добавил, спокойно, без улыбки:

– В среду, госпожа Вейн, наденьте что-нибудь скучное: в

казначействе не любят, когда на них смотрят живые люди.

Глава 5. Мой крапивник на чужом ордере

В среду над Аурум-на-Вейре стоял такой туман, что фонари на Монетной улице горели, как свечи в молоке, и я надела самое скучное платье из тех, что вообще у меня остались. Оно было серое, с высоким воротом и пуговицами до подбородка, и Флора, увидев меня на лестнице, всплеснула руками так, что с её фартука посыпалась мука.

– Ой, Ми-ира, ты похожа на конторский шкаф. На очень приличный конторский шкаф, который никогда не бывает в гостях.

– Ну, мне именно это и велено, – ответила я, расправляя рукав. – Господин Грасс сказал, что в казначействе не любят, когда на них смотрят живые люди, так что я стараюсь не смотреть живо.

Теперь я поднималась по казначейской лестнице вслед за этим самым господином Грассом и считала, сколько здесь неправильно поставленных печатей. Привычка осталась от ремесла: стоит мне войти в любое здание, глаза сами бегут по дверным косякам и ищут оттиски. На первом пролёте печать охранной руны сидела на косяке криво, с завалом влево, как будто её ставили впопыхах и мокрым штемпелем. На втором краска у герба Империи выцвела до розового, а на

третьем дверь вообще украшал оттиск, перевёрнутый вверх ногами, и я прошла мимо него с таким чувством, будто увидела чужого ребёнка в рваной куртке и не имею права ничего сказать.

– Вы замедляетесь, госпожа Вейн, – негромко произнёс Корвин, не оборачиваясь. Он шёл ровно, в чёрных перчатках, с тростью под мышкой, и на ходу щёлкал костяшкой счётов в кармане, как другие люди перебирают чётки. – Если вы собираетесь прочесть лекцию о нерадивых гербовщиках, предупреждаю: здесь у каждого второго есть начальник, который обижается быстрее, чем платит.

– Я только заметила, что на третьем этаже печать висит вверх ногами. Это же непристойно, господин Грасс, это всё равно что выйти к людям с юбкой наизнанку.

– Прекрасно. Если ревизор спросит, о чём вы думали на лестнице, отвечайте именно так, и он решит, что вы совершенно спокойны. Спокойные люди в этом здании внушают доверие, а беспокойные получают дополнительные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.